

«День освященный»
(«Dies sanctificatus»)

6 января 1445
Богоявление
Майнц

1. *«День освященный...»* Восьмой респонсорий¹.

Из евангельского чтения² отметим две вещи. Во-первых, цари нашли Того Младенца, что *родился в Вифлееме и нарекается Иисусом*. В этой части полезно будет рассмотреть то, что мы упустили в день Обрезания: об имени «Иисус» и о том, каким образом ищут и находят Спасителя.

Во-вторых, видим, что, найдя Его, *пав, поклонились Ему и принесли Ему дары*³.

Относительно первого скажем об имени Бога, об имени творения и об имени «Иисус».

а) Об имени Бога

2. Авраам искал имя Божие, Бог же сказал: *«Что ты спрашиваешь об имени Моём? Оно удивительно»*⁴. Почему удивительно? Потому что непостижимо. Ведь таково согласное суждение всех мудрецов, что имя Его неименуемо, поскольку *«удивительно имя Его по всей земле»*. Потому, говорит Давид, что *великолепие Его вознесено превыше умных небес, которые, однако, проповедают славу Его, и о делах рук Его возвещает твердь*⁵, и т.д.

И Соломон в предпоследней главе Притч *восходит духом на высоту и нисходит вниз, но имени Его не находит*. Какие именно слова говорит он, можно посмотреть в тексте, где он рассказывает *о видении мужа, с которым Бог и который, укрепленный пребывающим с ним Богом, говорит: «Глупейший я из мужей, и мудрости человеческой нет у меня»*. И далее, поведав некие дела Господни, продолжает: *«Какое имя Ему? И какое имя Сыну Его? Знаешь ли? Всякое слово Бога разжжено...»*⁶

3. Что же постижимо всякому творению о Боге? По делам рук Его постижимо, что Он удивителен, однако Сам Он непостижим.

¹ градуал на третьей мессе Рождества (а также из утреннего респонсория); «dies sanctificatus» (синод. «день свят») - см. Неем. 8, 9-10; Ис. 9, 2; см. также XXII, 45 и прим.

² чтение праздника: Мф. 2, 1-12

³ Мф. 2, 11

⁴ речь, конечно же не об Аврааме, а об Иакове (Быт. 32, 9) либо Маное (Суд. 13, 17); «quod est admirabile» - синод. «ибо оно чудно»

⁵ Пс. 8, 2; 8, 10; 18, 2 (цсл)

⁶ Притч. 30, 1-5 (Вульг.)

Смотри⁷: Откуда берутся имена цветов? Не из области ли зрения? Убери зрение - и цвета не останется. Для слепца цвета не существует, ни в какой из доступных для него областей слепец цвета не встречает. Стало быть, цвет существует в области зрения. Однако само зрение ни для какого цвета не постижимо, ибо само зрение бесцветно⁸ и, следовательно, пребывает за пределами всей области цвета, так что в области цвета зрение считается скорее за ничто, чем за нечто, ибо никакого другого имени и никакого другого знания, кроме как о цвете, в области цвета не бывает. Цвет не умеет ни сказать, ни поименовать ничего бесцветного.

И если Бога искать в области цвета, то найти Его там возможно разве что как нечто из цвета самое лучшее, т.е. то, где дано всё совершенство, вся красота цвета, и т.д.

4. То же и обо всех прочих чувствах. Зрачок в центре ока не имеет цвета - для того, чтобы самому быть началом, серединой и концом всякого цвета; то же самое верно обо всех чувствах. И подобно этому [общее чувство не имеет ничего свойственного чувствам отдельным, а] интеллект не имеет ничего свойственного всей области рассудка и чувства - для того, чтобы соотноситься с этой областью так же, как око соотносится с цветами.

Так соотносится и Бог со всеми творениями. И следовательно, в области любых творений не найти ни Бога, ни имени Его, разве что сообразно природе той или иной области, т.е. сообразно наивысшему совершенству, какое там, в этой области, возможно.

Но наивысшее совершенство есть совершенство интеллектуальное. И оно именуется Бога как «чистый интеллект», то есть как «истину», и как «чистый аффект», то есть как «благо»; и так далее.

5. Но ни одно из таких имён не есть имя Бога, что явствует из вышесказанного. Сообразно любому тварному интеллекту Бог есть скорее ничто (поскольку Он не из области мыслимого), чем нечто (поскольку этой области немислимое недоступно).

И поскольку всякое слово, будучи рассуждением (ratio), проистекает из интеллекта (слово, ведь, есть не что иное, как интеллект [данный] в рассудке⁹), то следовательно, интеллект именуется Бога рассудочно. Например, соприкасаясь внутри собственного неба с божественными делами (а именно, обнаруживая силы, власти и т.д.), интеллект рассудочно именуется так Бога, ибо в своей области среди всех следствий первопричины не находит ничего выше, совершеннее и т.д. Это как работающего с золотом и серебром мастера мы называем «золотых дел мастером» - по самому достойному из его предметов, и т.д.

6. Однако ещё стоит обратить внимание, что зрение, ничего, кроме цветного, не воспринимающее, тем не менее воспринимает предносящийся ему свет, который

⁷ весь §3 ниже более подробно развёрнут, причём со ссылкой на данную проповедь, в трактате «Об искании Бога» 16; 21-22

⁸ см. Аристотель, «О душе» II, 7 418b26

⁹ ср. XLVI, 3; XLVII, 9; также §13 ниже

бесцветен. Однако воспринимает его оно не определительно, ведь свет не из области цвета, и что такое свет, зрение, поэтому, не знает, хотя он для него и сладостен, и превыше всего приятен, ибо без этого света оно не смогла бы воспринять ничего из собственной области.

И как свет телесный относится к оку телесному, так свет духовный – к оку духовному, т.е. к интеллекту (Августин в XI книге «О граде», глава 4, тоже считает такое выражение уместным¹⁰). Ибо духовный свет тоже предносит себя умам, оставаясь для них в определительном смысле неуловимым. Оставаясь вне области интеллектуального восприятия, этот свет, однако, таков, что в нём интеллект постигает всё мыслимое из своей области, подобно тому как [в телесном свете] воспринимает всё относящееся к области зрения [телесное] око.

7. Итак, ясно, что подобно телесному свету, который для ока удивителен и неизречен, но и в высшей степени приятен, ибо без него невозможно ни видеть, ни быть чему бы то ни было видимым, так что он есть сам свет, через который и в котором совершается всякое видение, интеллектуальный свет есть свет божественный, удивительный, неизреченный и неизменительный, превыше всего приятнейший, через который и в котором совершается понимание.

И свет этот есть свет откровения и благодати. Ибо как [телесный] свет открывает очам цвета и актуализирует бывшее в потенции зрение, так и этот свет есть свет откровения и благодати, открывающей нашему интеллекту всё доступное пониманию.

8. Возможно, именно это внушают нам все мудрецы, пророки и святые в Писании: что постижение возможно только по откровению от Самого Бога. Поэтому говорит Давид: *«Открой очи мои! и уразумею...»*¹¹, - ибо от себя не можем ничего. Об этом же, по видимому, говорит и Соломон в упомянутом месте. Указав сперва на наше незнание имени Бога и Сына, он затем продолжает: *«Всякое слово Бога разжжено есть щит уповающим на Него. Не прибавляй ничего к словам Его, чтобы Он не обличил тебя, и ты не оказался лжецом!»*¹²

9. Итак ото всех святых поучаемся мы тому, что *без этого света в человеке нет ничего*¹³, что могло бы ему в его области дать хоть какую-то причастность жизни.

Ибо для ока жить значит видеть, а для интеллекта жить значит понимать. И поэтому, лишаясь этого света, интеллект не живёт.

Отсюда всеобщее предание всех мудрецов: мы должны понять, что самонадеянность наша лишает нас возможность жить жизнью интеллекта, нам уроком должны быть примеры падения Люцифера, ангелов и человека Адама, решивших завладеть этим

¹⁰ Августин, «О граде Божьем» XI, 3

¹¹ Пс. 118, 18

¹² Притч. 30, 5-6

¹³ «sine illo lumine nihil esse in homine» - ср. из секвенции Пятидесятницы («Veni, Sancte Spiritus»): «sine tuo numine nihil est in homine»

светом не по благодати, но по самонадеянности, в желании стать *подобными Вышнему, Который Един* и ни в ком в другом не нуждается¹⁴.

10. И так мы приходим к смирению, зная, что всякое откровение, оно же жизнь, даётся по благодати, даром, и что его поэтому должно вымаливать.

| Соломон, которому Бог открыл это - что мудрость приобретается по благодати – учил о способе её стяжания именно так: следует искать её с любовью и просить, как и сам он просил: *«Пошли мне приседящую престолом Твоим премудрость!.. и т.д.»*¹⁵ Это же подтверждает он и в главе 2 Притч, а именно что искать её должно с великой жадностью, как когда ищут серебро, - и тогда она будет дана, ибо *от Бога премудрость и из уст Его исходит разум*¹⁶. Ибо *«всякая премудрость – от Господа Бога»*¹⁷, и т.д. *«Пошли свет и истину Твою; да приведут они меня... и т.д.»*¹⁸ |

11. Точно так же из предания Священных Книг известны нам некоторые откровения, относящиеся к имени Бога, например об имени Тетраграмматон и о других именах Божиих. Но только одно имя превышает интеллектуальной области – имя «Иегова». Оно не из области интеллекта, ибо не подлежит пониманию, и точно так же не означает оно Бога сообразно какому-либо рассуждению, будучи как бы причиной всякого рассуждения и понимания. Об этом в другом месте¹⁹.

12. Есть и другие имена, тоже божественные, но они уже из области интеллекта. Некоторые из них раскрыты нам сильными умами, сильнее прочих озарёнными святостью и светом откровения; таковы, например, имена Божиих, о которых в Послании святого Иеронима²⁰, и т.д.

Ещё есть имена, открытые мудрецами из халдеев, греков, египтян, имена из наречий языческих народов. Свои имена бывают у всякого благочестивого мужа, именующего Бога по-разному, и т.д. Об этом тоже в другом месте²¹.

Таков первый раздел первой части.

b) Об именах творений

13. Второй раздел об имени творений.

¹⁴ Ис. 14, 14; «solus Altissimus» - из латинского текста Великого славословия; Пс. 82, 19 (цсл. «един вышний»)

¹⁵ Прем. 9, 4

¹⁶ Притч. 2, 4-6

¹⁷ Сир. 1, 1

¹⁸ Пс. 42, 3

¹⁹ см. I, 2-7; XX, 6-7; XXIII, 35; XXIV, 48

²⁰ Иероним Стридонский, «О десяти именах Божиих» (письмо 24 к Марцелле)

²¹ XXIII, 35

Причина имени – знание²²; знание – от интеллекта; имена присваивает движение рассудка²³.

И следует иметь в виду, что как свет – причина цветов (ибо цвет – не что иное как определённая свет в прозрачной среде²⁴), так божественная благодать – причина вещей

|о которой Павел говорил, что *ею [благодатью] был тем, кем был*²⁵. И блаженный Августин во II книге «О свободном выборе» говорит о душе, что она формируется некоей неизменной истиной, свыше правящей и в себе пребывающей²⁶ |.

14. Но тогда имя всякой вещи есть не что иное, как определённая имени Божьего, ибо творение никоим образом не есть от себя. Отсюда очевидно, что творение, поскольку оно от себя, не имеет имени кроме имени «ничто», а поскольку оно от Бога, не имеет имени кроме имени Бога (подобно тому, как сын человека именуется «человеком»).

Различие же [тех или иных] определённости благодатного света служит причиной того, что и творения, [происходящие] из единства света, тоже разнообразны. И вот здесь [каждое] творение получает [себе] отдельное имя посредством некоего рассуждения, отличающего одно творение от другого.

15. Отсюда следует, что творение неизменно там, где нет различия творений, т.е. во свете. Но и поскольку оно вне этого света, оно тоже неизменно, ибо вне его ничто. Неизменно оно также и в качестве предела - того, каким этот свет определён, - потому что свет не может быть определён ни чем-то внешним себе (поскольку вне его ничто), ни сам собою (поскольку нет предела у предела)²⁷. Следовательно, никакое творение не постижимо как оно есть.

16. Именование же его совершается на основании рассуждения (*ex ratione*), которое улавливает отдельное действие, от него восходит к способности вещи, и эту самую вещь, схваченную им не как она есть, но [только] в проистекающем от неё действии, именуется согласно определению (*rationem*) этого действия или другому отличительному определению.

И знай, что в силу сказанного разнообразие движений рассудка приводит к разнообразию имён у одной и той же вещи. Истинное же имя остаётся невыразимым, и все присвоенные рассудочным движением имена [лишь] в некоем уподоблении развёртывают истинное имя вещи, коего в области рассудка мы не достигаем.

²² см. прим. к СХХVI, 13

²³ ср. «Наука незнания» I, 24, 48-49; XLVII, 9

²⁴ см. Аристотель, «О душе» II, 7 418b4-20; у НК: «Об искании Бога» II, 34

²⁵ 1 Кор. 15, 10

²⁶ см. Августин, «О свободном выборе» II, 15 (45)

²⁷ «*termini non est terminus*» – см. прим. к «О равенстве» 10

17. Никто, следовательно, не сможет узнать о себе, ни что он такое, ни каково его имя, кроме как во свете славы и окончательного своего счастья. Имя своё узнает только «побеждающий», и будет оно у него «новое», и будет объявлено ему, и будет таким, какого никогда не именовали уста человеческие²⁸.

|Отсюда явствует, что проклятые не узнают своего имени никогда. Интеллект умирает, ибо теряет жизнь, состоящую в понимании, и т.д.

В книге жизни записан тот, у кого есть имя²⁹; в Боге живёт знание о том, кого Бог узнаёт по имени. Так о Моисее, записанном в книгу жизни³⁰, Бог говорит, что *знает его по имени*³¹ (Исх. 33). И т.д. |

Третье имя – «Иисус»³².

Это имя *наречено Ангелом*, то есть интеллектом в области рассудка: «*ибо спасёт людей...*» По Исайте, имя это *наименовали уста Господа*, евангелист же утверждает, что Ангел³³. Заключи отсюда, что ангел и есть «*уста Господа*», ибо Бог не говорит к рассудку иначе как посредством интеллекта. Таким образом, родившийся в Вифлееме Младенец назван «Иисусом» на основании того рассуждения, что исходит из действия спасения, о чём смотри в другом месте³⁴.

|Отметь о книге жизни в Апокалипсисе, главы 3, 13 и 20³⁵. |

18. Отсюда извлеки мистерию того, как имена Ангелов лишь озвучивают [те или иные] определённости света: «Михаил», «Гавриил» - как бы «крепость Божия», «Рафаил» и т.д. Это означает, что свет этот просвечивает там либо в определении «крепости», либо в определении «здоровья», согласно толкованию этих имён³⁶. Имена интеллектуальных духов оказываются не чем иным, как некими определёнными божественного света согласно интеллектуальной области; то же и о других [именах] в своей области.

|19. Сходным образом в математике в силу определения плоскости фигура получает имя треугольника, четырёхугольника, шестиугольника и т.д., потому что столько-то углов её замыкают. |

Или, скажем, золото, по-разному определённое в разные фигуры, получает, соответственно, и имена разные: имя «чаши», имя «подсвечника», «кубка», «кольца» и т.п. Подобно ему и божественный свет, оставаясь одним и тем же, в разных определённых именуется по-разному.

²⁸ Откр. 3,12; Ис. 62, 2

²⁹ Откр. 3, 5

³⁰ Исх. 32, 32

³¹ Исх. 33, 12; 33, 17

³² следующий пассаж явно относится уже к 3 разделу и в большинстве рукописей отсутствует

³³ Лк. 2, 21; Мф. 1, 21; Ис. 62, 2

³⁴ см. XLVII, 7-9

³⁵ Откр. 3, 5; 13, 8; 20, 12-15

³⁶ см. «Компендий теологической истины» II, 20: Михаил – «*quis ut Deus*»; Гавриил – «*fortitudo Dei*»; Рафаил – «*medicina Dei*»

Однако тот, кому известно, что подсвечник сделан из золота, именуется подсвечник «золотым».

|20. А кому известно, что цвет радуги есть определённая солнечного света, может именовать и давать дефиницию цвету радуги как цвету света³⁷. И этот второй пример более удачный. |

Точно так же, кому известно, откуда [происходит] творение, тот, соответственно и присваивает ему это имя. Но пока неизвестно имя Бога, от Которого всё, по необходимости остаётся неизвестным и имя творения, которое есть подобие имени Божьего.

21. Отсюда выведешь: чтобы найти своё истинное имя, человек в своём имени должен искать Бога. Он должен убрать все определённости, образующие его имя, и тогда внутри себя обнаружит свет, согласно Дионисию³⁸, который учит восходить через отъятия, подобно тому как действует ищущий ложку в куске дерева: устраняет определённости, какими определена материя дерева, пока не дойдёт до искомой формы. И тогда то, что интеллект через веру видел в дереве прежде чувственной данности, предстанет чувству. Так и мы, ищущие Бога в этом мире с помощью рассудка, устраняем всё, чтобы Бог, через веру уже предстоящий нам прежде рассудочного поиска, предстал также и оку интеллекта.

22. Но до чистого беспримесного света мы через какое бы то ни было восхождение и абстракцию дойти не можем, как не может скульптор до формы, которую прежде мысленно видел в интеллекте, добраться в куске дерева через какое угодно отъятие так, чтобы не оставалось всегда ещё что-то, что нужно оттуда отъять - но пока не отъял – для обнаружения чистого замысла как есть.

|Отсюда невозможность видеть Бога в этой жизни, открытая Богом Моисею, молившему, чтобы увидеть Его лицо в Исх. 33³⁹. |

23. Итак, видим, что, если во свете благодати, или во свете откровенном, или во свете звезды, будем со тщанием идти вперёд и искать, то он тогда сможет довести нас до некоего места, *где есть Царь Иудейский*⁴⁰.

Хотя в чистоте, как Он есть, мы Его не найдём, но всё же свет приводит нас к Иисусу, чтобы в Младенце ощутить нам Царя. Ибо, как читаем у открывающего эти восхождения божественного Дионисия⁴¹, мы тогда бываем допущены к Иисусу, Который есть *сияние Отчее*⁴² и т.д., с тем, чтобы через посредство этого *сияния*, которое обнаруживаем в Иисусе по общему нашему с Ним человечеству, обрести спасение, ощутив в Младенце

³⁷ см. Роберт Гроссетест, «О радуге»

³⁸ см. Дионисий Ареопагит, «О мистическом богословии» II

³⁹ Исх. 33, 18-23

⁴⁰ Мф. 2, 2

⁴¹ Дионисий Ареопагит, Послания III и IV к Гаию

⁴² Евр. 1, 3

*Царя славы*⁴³, т.е. в человеческом младенце, в коем царя пока не видно, в мире сем ощутив Царя века иного.

с) *Об имени «Иисус»*

24. В третьем разделе об имени «Иисус» разберём теперь, как всякая невозможность и ущербность, немощь и незнание в Иисусе, в имени и знании Его, получают восполнение⁴⁴. Ибо если Сам Иисус делается известен нам по имени как Спаситель, то в этом – указание, где найти нам всё, чего желаем.

25. Приходим же мы к Иисусу как к Тому, в Ком всякую достаточность и совершенство нашей собственной природы обнаруживаем возведённой на высоту. Ибо тот свет, что обнаруживаем в Иисусе [как свойственный] нашей природе, - это не преломлённый свет, сужающий возможности умозрения, но явление такого света, в коем различаем собственно сам свет *«превыше всякой власти и силы»*⁴⁵, превыше всех обитателей области интеллекта. Иисус ведь – *сияние* никого другого как *Отца*, *«образ ипостаси Его»*⁴⁶ и сам воипостасный свет, живой и истинный.

26. По этой причине Иисусово просвещение, исходившее от Него как образца [для подражания] и учителя, [светит] не из области мира сего, но из области Отца и вечности, подводя нас к пониманию того, сколь соответствует Ему это имя, ибо из деяний Его не проистекало ничего другого, кроме спасения, отчего Он и есть Спаситель, и имя Его Иисус. И это – то имя, что *выше всякого имени небесных, земных и преисподних, и нет другого имени, в коем спасение*⁴⁷.

27. Иисус, таким образом, оказывается врачевством и врачом, к Кому имеем возможность прибегать в нашей области, поскольку Он [с одной стороны] тварный Человек, в Котором мы находим себе покой⁴⁸, [и вместе с тем] поскольку Он Бог, и потому зовётся «Иисусом» от [того] спасения, что исходит от Творца, так как спасти свойственно Тому же, Кто даёт бытие. Однако Спасителем Он бы не был, и если бы пребывал вне нашей природы, нам непричастным, к Кому прилепиться мы не имели бы возможности.

28. «Иисус», следовательно, есть имя Спасителя, спасающего нас в вечности; имя, по смыслу своему называющее Того, Чьё оно имя, и Богом, и Человеком, и Творцом, и орением.

И кто подобно волхвам жаждет воспринять премудрость, кто со тщанием её ищет, того свет благодати приводит к Иисусу как к *Посреднику*⁴⁹, без Которого природа искателя оказалась бы неспособной к искомой славе.

⁴³ Пс. 23, 7-10

⁴⁴ см. XLVII, 7

⁴⁵ Еф. 1, 21

⁴⁶ Евр. 1, 3

⁴⁷ Флп. 2, 9-10; Деян. 4, 12

⁴⁸ ср. ХЛ, 8-10

⁴⁹ 1 Тим. 2, 5; Евр. 9, 15

29. Знай, однако, что имя Тетраграмматон зовут неизреченным, возможно, ещё и потому, что оно есть не что иное, как единство всех звуков голоса.

В самом деле, если разобраться, то «Jehova» - не что иное, как собрание воедино гласных звуков. «Joth», «He», «Vau», «He» суть четыре буквы. Слово «Тетраграмматон» означает «четыре буквы», но само по этим буквам не произносится. Они суть [лишь] точки для произнесения, обозначения четырёх гласных: «i», «e», «o», «a». В букве «Vau» есть отметка для произношения, указывающая на «o», хотя сама эта буква - «v». Ибо гласные «o» и «v» совпадают в корне голосового звучания, отчего в греческом алфавите отсутствует «v», а в еврейском алфавите отсутствует «o». Тем самым имя «Jehova» на латыни есть не что иное, как всё звучание голоса (поскольку «h» не есть буква)⁵⁰.

Следовательно, это имя, свёртывающее в себе всё звучание голоса, неизреченно. Обратись хоть к греческому языку, хоть к еврейскому, хоть к латинскому – ничего другого не найти в этом имени кроме того, что оно свёртывает в себе всё, чем формируется звучащее слово. Но тогда оно есть форма слов – форма, без которой невозможно возникнуть звучащему слову (а слова без звучания не бывает).

Поэтому оно есть слово Божие – то слово, через которое всякое слово и в котором всякое слово.

30. «Иисус», однако, по-еврейски произносится как «Иешуа» (Jesua), что есть слово Божие с прибавлением святой буквы, называемой «sin»; переводится же «sin» как «изречение», т.е. как бы «слово Божие изречённое». Тем самым, Иешуа, или Иисус, есть слово Божие изречённое. Но изречённое слово Божие – это то самое Слово, в Котором *всё начало быть: Он сказал – и соделалось*⁵¹.

Что такое тогда «Иисус», как не исполнение изречённого слова, или же спасение и совершенство? Отметь это! Поэтому *наименовали сие имя уста Господа, по слову Исайи пророка*⁵².

Но Бог говорит через интеллект, интеллект – через рассудок, рассудок – через чувство, и т.д.

31. *«Послушаю, что скажет во мне Бог...»*⁵³

Ещё об имени «Я». Бог говорит (Быт. 17): *«Я Бог Всемогущий»*⁵⁴; и *«Я есмь»*⁵⁵; и *«Я есмь, Кто есмь»*⁵⁶ И Христос говорит: *«Я есмь Альфа и Омега»*⁵⁷.

⁵⁰ ср. XXIV, 48; «О становлении» IV, 168; V, 176

⁵¹ Пс. 32, 9

⁵² Ис. 62, 2

⁵³ Пс. 84, 9

⁵⁴ Быт. 17, 1

⁵⁵ Быт. 17, 4 (Вульг.)

⁵⁶ Исх. 3, 14 (Вульг.)

⁵⁷ Откр. 1, 8: 21, 6; 22, 13

Тем самым, имя «Я» не подходит никому, кроме Бога и Господа Иисуса, ибо другие суппозиты, поскольку ипостась их не есть вечность, существуют как таковые не в собственном смысле⁵⁸, и т.д.

⁵⁸ ср. «О начале» 18